

Сов. культура, 1983, 20 сент.

ЛЕТОМ 1976 года в старом вгиковском общежитии, рядом с мемориальной доской у комнаты, где жил Шукшин (4-й этаж, комната № 418), сидел настоящий живой вгиковец и рассказывал трепещущим абитуриентам о ВГИКе и кинематографе. Для будущих сценаристов им были сформулированы три «истины», ни одна из которых впоследствии не подтвердилась:

«Во ВГИКе можно писать все, что хочется, но после ВГИКа нужно писать то, что требуется»;

«Окончить ВГИК — это все равно что выйти из теплой оранжереи в холодный лес»; «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем пробиться молодому сквозь плотные ряды корифеев».

Странность заключалась в том, что все эти неподтвержденные истины оказались довольно живучими, так что правильнее было бы назвать их мифами.

Трибуна МОЛОДОГО КИНЕМАТОГРАФИСТА

Начну с первого. Едва приступив к учебе, мы выяснили, что между «хочется» и «требуется» нет никакого противоречия. На первом курсе мне захотелось написать для себя нечто фантазмагорическое, где летали бы столы, утюги и дворничихи, где широко и просто душно улыбалась бы Мона Ли. За, а среди завсегдатаев пивбара обнаруживался инопланетянин Степан... Именно эту историю через каких-нибудь два года мы с режиссером Тофиком Шахвердиевым превратили в сценарий, а потом в фильм «Предчувствие любви». Чоделлы моих однокурсников Елены Райской, Валерия Мнацаканова и других тоже обычно начинались «для себя», потом появлялся человек, который говорил «это мое!», подключалась студия, и в результате

появлялось «мое-твое и наше» — кинокартина.

Что касается второго утверждения, то раньше оно, вероятно, было недалеко от истины. Предоставленные самим себе, люди редчайшей профессии меняли ее на какую-нибудь более применимую: от редактора до истопника газовой котельной. Сейчас с введением обязательной двухгодичной стажировки на студиях страны закон естественного отбора стал более гуманным и справедливым — пропасть из виду теперь можно только по одной причине: если не можешь или не хочешь писать для кино. Существуют секции молодых при Союзе кинематографистов. Не знаю, как в других, а в московской секции драматургов с нами чуть ли не нянчатся, постоянно тормоша,

предлагая командировки в лучшие точки страны, собирая на семинары в дома творчества, устраивая конкурсы с премиями...

Третий миф с блеском опровергла наша мастерская, «выдававшая» за годы учебы около десяти короткометражных фильмов. Это рекорд для ВГИКа. Конечно, все произошло не только потому, что мы оказались такими уж чрезвычайно талантливыми ребятами (хотя мне и трудно отказаться от этой мысли), важнее другое: как раз в наше время начал работать «Дебют», постоянно нуждающийся в сценариях короткометражных фильмов. И самое главное — нам повезло с мастерами — никто теперь не переубедит меня в том, что Василий Иванович Соловьев и Люд-

мила Александровна Кожина — лучшие педагоги ВГИКа, во всяком случае, для своих учеников. Они не учили нас писать, они учили видеть, слышать, перерабатывать происходящее и требовали, чтобы мы отдавали себе в этом отчет. Письменный отчет... Они учили нас общаться с режиссерами, раскрывая тонкости и тайны этих многосложных, часто непредсказуемых натур. Я вспоминаю всех режиссеров, с которыми мне пришлось работать, и, скажу честно, ни с кем из них ни разу не возникало какой-либо неразрешимой творческой или иной проблемы, а некоторые просто сделали друзьями.

Может быть, это произошло потому, что почти все они делали еще только первые шаги в кино, и у меня выработалось устойчивое отношение к режиссеру, как к человеку, который, ставя фильм, рискует больше сценариста: я-то напишу другую историю, десять других историй, а у него, в случае неудачи, второй попытки может и не быть. И тут надо как-то делить ответственность, начиная с работы над сценарием, продолжая во время съемок и худсоветов и кончая необходимостью отвечать на вопросы зрителей, — это не всегда приятные вопросы, но отвечать надо наравне.

Сейчас на Киностудии им. М. Горького «запустилась» с моим сценарием режиссер-дебютант Елена Николаева. Фильм будет называться «Мальчик в лунном свете». Это сказка с музыкой и превращениями, где чудеса подчиняются закону сохранения энергии... Не буду рассказывать сюжет, замечу только, что все считают: надо быть весьма решительным человеком, чтобы за него взяться. Но до сих пор мне попадались только решительные люди. Такие, например, как недавние вгиковцы режиссеры Николай Даниеля (только что закончили с ним его дипломный фильм) и Александр Иванов — несколько дней назад мы решительно выбросили почти готовый сценарий для объединения «Дебют» на «Мосфильме», который оказался «не наш» (такое бывает), и принялись за новый.

Может сложиться впечатление, будто все идет легко и гладко и как бы само собой. Нет, конечно... Но это трудности внутренние, творческие. Я, например, никак не могу вер-

нуться к дипломному сценарию, который назывался «Объятые» и затрагивал самую важную для меня тему — родственную, генную связь поколений, когда вдруг осознаешь, что твой дед — это «ты» в сороковые годы, а твой отец — это «ты» в шестидесятые. Каждое десятилетие несет свой образ молодого человека, и чем дальше оглядываешься, тем более полным кажется этот образ. Нам предстоит «освоить» свое время. Это нелегко. Как-то на дискуссии с современным героем я заметил, что говорю косноязычно, с большими паузами, словно на экзамене, когда попадаетесь трудный билет. И подумал, что это, собственно, и есть нескончаемый трудный экзамен: списывать нельзя, билет не заменить, работать и отвечать на вопросы, которые ставят перед тобой время.

Валерий ЗЕЛЕНСКИЙ, киноматюрг.

Неподтвержденные истины

нуться к дипломному сценарию, который назывался «Объятые» и затрагивал самую важную для меня тему — родственную, генную связь поколений, когда вдруг осознаешь, что твой дед — это «ты» в сороковые годы, а твой отец — это «ты» в шестидесятые. Каждое десятилетие несет свой образ молодого человека, и чем дальше оглядываешься, тем более полным кажется этот образ. Нам предстоит «освоить» свое время. Это нелегко. Как-то на дискуссии с современным героем я заметил, что говорю косноязычно, с большими паузами, словно на экзамене, когда попадаетесь трудный билет. И подумал, что это, собственно, и есть нескончаемый трудный экзамен: списывать нельзя, билет не заменить, работать и отвечать на вопросы, которые ставят перед тобой время.

Валерий ЗЕЛЕНСКИЙ, киноматюрг.